

Иван Николаевич не меняет профессию

Иван Бурляев: «Я хочу поскорее забыть «9 роту»

Инна Коваленко

Ивана Бурляева представляют по-разному: как внука Сергея Бондарчука и Инны Макаровой, как сына Николая Бурляева и Натальи Бондарчук, как племянника Федора Бондарчука. Но Иван Бурляев прежде всего композитор. Рассказывая о себе и своей семье, он не называет Наталью Бондарчук мамой, а Инну Макарову бабушкой. Он говорит про них: «Наталья Сергеевна и Инна Владимировна». Он не отрезанный ломоть знаменитой семьи, он — ее новая история, в основе которой все равно есть место кинематографу.

«Бывают ситуации, когда фамилия способна помочь, но в целом по жизни, конечно, обязывает. Обязывает и внешне — поведенчески и внутренне, как некие жизненные установки. Конечно, хочется быть достойным своих Больших родителей и родственников, а чтобы состояться самому, приходится устанавливать планку сразу на очень высокую высоту».

Тебя начнут окликать в транспорте

Многим казалось, что Ваня станет артистом.

«Я ходил в обычный детский сад около дома. Единственное, чем я отличался от других детей, это рассказы про киносемию: «Оператор камерой ездит на машине «камераген», а чтобы был свет, приезжает машина «лихтваген». И роли на утренниках мне давали не особенные. Вот был я предводителем джигитов. Мы выступали на детских расписных табуретках. Это были наши лошади. Я громко говорил текст: «На конях мы скачем ловко, вам покажем джигитовку».

Еще до школы я обездол с родителями полстраны. Было такое Бюро пропаганды советского киноискусства, которое организовывало во всех городах вроде как бенифисы — творческие встречи.

Для Ивана опыт родителей мимо не прошел. Мальчик знал наизусть пьесу «Сирано де Бержерак» (папа с мамой репетировали ее в театре), знал полностью «Сказку о Золотом петушке» и «Бориса Годунова». В него загружали большой объем информации, и он благодарно ее принимал. В то время на него обрушилась первая популярность. Иван сыграл в фильме «Детство Бэмби».

«Слава Богу, сейчас меня не узнают на улице. Я и профессию себе выбрал «закадровую», вероятно, из-за истории с «Детством Бэмби». Тогда родители меня серьезно подготовили к улице славе. Буквально перед премьерой фильма мне объясняли: «Тебя начнут окликать в транспорте, на улице; будут показывать пальцем». Родители сказали: «Не думай, что ты особенный. Через полгода это закончится. Будь скромным и незаметным». Я все понял и приготовился быть незаметным. На улице натягивал шапку пониже. Но все равно слышал: «Ой, а это ты?» За этим вопросом — видимо, для окончательной идентификации — следовал другой, самый стандартный, он всегда ставил меня в тупик: «А скажи, что ты там говорил». Но полгода прошли, и действительно, все стало сходиться на нет, но той публичности мне в жизни хватало».

В 10 лет по 500 рублей

Ване, наверное, нравилось кино, как каждому ребенку что-то загадочное. Это сложно понять, но маленький мальчик грезил другим — музыкой. По-моему, даже Моцарта за инструмент заставлял садиться отец, а Бурляев просился добровольно. «С самого детства, как только я научился ходить, меня не покидала мысль, что я умею играть на рояле. Подходил к инструменту, но пальцы меня не слушались. Я очень злился на свои руки, на рояль и просил живал многие часы, пытаясь вспомнить, как играть. Я просто помню эти детские ощущения, я очень хотел, чтобы ро-

дители меня отдали серьезно учиться музыке. Мама с папой провели со мной очень строгую беседу, рассказали все аспекты того, что мне придется испытать. Они меня честно обо всем предупредили и поинтересовались: «Тебе это надо?» Я сказал: «Надо!» В итоге в 5 лет я самостоятельно принял важнейшее карьерное решение в жизни...

Когда меня привели в Центральную музыкальную школу при Московской консерватории, я практически ничего не умел: не знал нот, не знал азбуку сольфеджио. Но у меня было жуткое желание туда поступить. Как сказала потом мой педагог по фортепиано, старейшина школы Елена Петровна Ховен, она меня взяла за умные глаза.

На этом мое нормальное среднестатистическое детство закончилось. Иногда, выглядывая в окно и видя, как играют во дворе мои сверстники, я жалел о сказанных мною словах: «Я хочу заниматься музыкой».

Если в детский сад родители еще приходили смотреть на сына, то в Центральной музыкальной школе, где учился Иван, они в силу занятости так и не попали ни на одно родительское собрание.

«Я больше прогуливал, чем остальные дети. Мы с другом смотрели кинофильмы, по всяким кафешкам ходили. Еще у нас было увлечение составлять рейтинг красоты станций метрополитена. Рейтинг вышел пристрастный. Я попал под влияние своего друга — он был старше меня, и ему совершенно не нравились классиком наших старейших станций, ему нравились современные. Поэтому у нас после долгих споров выиграла станция «Правская».

Родители не знали о прогулах школы. Они достаточно рано предоставили сыну самостоятельный статус, тем более что сын был в состоянии даже зарабатывать».

«Первые товарно-денежные отношения начались, когда мне было лет десять. Я уже давно писал пьесы или тем, сложно сказать, что это было, исходил из некоего характера внутри произведения, получались такие детские картинны в музыке. Я давал им за пределами названия: «Война миров», «Океан жизни». Я мучил родителей, заставляя их слушать свои творения (длились они около получаса). Я и к инструменту только для этого и подошел, чтобы свою собственную музыку играть. А к десяти годам написал музыку к двум спектаклям, и у меня сразу пошли большие гонорары. В советское время композиторы вообще зарабатывали очень большие деньги. За вычетом всех возможных моментов я получал по 500 рублей. Огромные деньги по тем временам. Я, будучи ребенком, мог позволить себе многое. Отсюда и прогулы, и подарочки из комиссионных магазинчиков девочкам, в которых я был влюблен».

Иван и Юлия. Крики «горько» и сладкий торт

Съемочная площадка фильма «Пушкин. Последняя дуэль». Иван Бурляев — композитор; Сергей Безруков — Пушкин

Сначала стань пианистом

Вопрос признания был для Бурляева в те годы не главным.

«Моя учительница говорила, что и Шостакович, и Прокофьев — замечательные композиторы, но до этого они стали очень хорошими пианистами. Сначала стань пианистом, а потом думай, куда тебе идти. В принципе, я так и сделал».

После школы у него было два пути, на взгляд обывателя, неожиданных: консерватория или... армия.

«В военкомате сказали: «Давай иди на медкомиссию». Понимаете, я никогда не убежал, не бегал. Такое у меня жизненное кредо, которое часто подводило. И я без страха и волнений пошел на медкомиссию. А там мне говорят: «Ты что делаешь?! Быстро домой! Возвращайся с родителями». Приехал отец, в двух словах объяснил ситуацию. Майор согласился. Вооруженные силы пережили отсутствие Ивана Николаевича. А ко всему прочему у меня почему-то совершенно реально к 18 годам открылась астма. Надо ложиться в больницу. Так я стал ограниченно годным. Как это ни странно, астма спустя какое-то время прошла».

Можно сказать высокопарно — мудрый промысел. Или просто случайное совпадение. Колесо судьбы Бурляева Ивана в очередной раз скрипнуло на новый жизненный поворот. За поворотом была консерватория. Три ее курса. Почему столько?

«Я понял, что моего образования для того, что я хочу делать, хватает. И при этом я четко понял, что не хочу быть пианистом-исполнителем. Это несоразмерные затраты труда и получения определенного ощущения».

Я хотел перейти на композиторский факультет, но, честно говоря, просто не нашел человека, у которого бы смог учиться. А музыку я писал давно, и, развиваясь как музыкант и пианист, я саморазвивался как композитор».

Я спрашиваю Бурляева, как оценивали его композиторские успехи педагоги по исполнительскому мастерству, и он, смущаясь, отвечает: «Лев Николаевич Наумов, профессор, у которого я учился в консерватории как пианист, будучи композитором серьезным, как-то всегда хвалил меня. Хвалил и хвалил. А я думал, может, просто обидеть меня Лев Николаевич не хочет?»

Оказалось, что Наумов был прав. Скоро Ивану Бурляеву исполнится 30 лет, он автор музыки к 20 кинофильмам.

Ударники судьбы

Как это ни банально звучит, музыка для него — все, как альфа и омега. Никаких иных слов не придумаешь, когда человек тебе говорит: «Если я на какое-то время перестану заниматься чем-то связанным с музыкой, в данном случае — перестану писать, меня судьба начинает наказывать, и чем дальше, тем больше. Начинаются депрессии. Когда я пишу, у меня абсолютно все выправляется, но если даю себе послабление, подключаются ударники судьбы разной степени тяжести. Бывали очень неприятные моменты, и все они были связаны с манкированием основным видом деятельности».

Даже его мечта связана с профессией: «Хотелось бы взять семью, уехать куда-нибудь месяца на три на острова и там работать». Почему бы нет. Тем более современные технологии позволяют. Единственное, что останавливает — море-океан. Иван думает, что будет в таком месте от работы отвлекаться.

«С раннего детства я стал исследовать так называемые цифровые технологии. У меня всегда были синтезаторы. Чем больше становился я, тем больше становился мой синтезатор. В итоге я освоил эту историю. И когда музыка стала серьезно отходить в сторону электроники, я оказался на коне. Сейчас при том, что у меня один из лучших в мире синтезаторов — огромный, как рояль, его звуки я вообще практически не использую. Виртуальные синтезаторы, такие своеобразные компьютерные

программы, настолько обогнали все железные достижения, что те же симфонические оркестры из семпльных библиотек звучат как настоящие».

Участь в школе, Иван уже делал музыку к мариным фильмам. Сегодня объем работы только растет, но это не значит, что для фильмов Натальи Бондарчук он больше не пишет. Что касается самой профессии кинокомпозитора, у Ивана в ней было и будет три четких авторитета: Рыбников, Артемьев, Гладков.

«Недавно с восторгом послушал 5-ю симфонию Рыбникова. Знаю, что Артемьев заканчивает оперу. Все серьезные композиторы тяготеют к серьезным жанрам. Я понимаю обиду композиторов на кино. В фильмах часто зажимают музыку среди шумов, диалогов, тем же треском сверчков или шелестом листьев, выстрелами, взрывами и прочим. Эти шумы могут за просто убить определенный сегмент в частотном диапазоне звучания произведения. Какой-то важной темы не будет слышно. Сложность в том, что института современной кинозвукоинженерии у нас просто не существует. Сейчас в России почти нет людей, способных найти тот самый золотой баланс звучания, когда звук, который слышит зритель, находится в гармонии со своими составляющими».

Когда другие, махнув рукой, едут записывать звук за границу, Иван делает это дома. На последнем фильме «Пушкин. Последняя дуэль» профессионалы его спрашивали: «Ваня, а где записывали, как сводили?» Он отвечал: «Я все сделал здесь». На фильме «Грозные ворота» 151 минуту звучания музыки он тоже полностью записал дома.

«Для «Пушкина» была возможность записать оркестр. Записи оркестра — особое искусство. Мне посчастливилось работать с лучшим звукоинженером в этой области Геннадием Папиным. Когда я получил записанный материал, восторгу не было предела! Работа с дирижером Сергеем Скрипкой — это вообще наслаждение. Такие примеры сотрудничества дают волю и желание творить и работать дальше со свежими силами».

«В семье конфликт как таковой нет. Все старается эту тему обходить. Я не имею конкретных претензий к Феде. Он режиссер, который имеет право выбирать. При том объеме, который он имел по проекту «9 рота», в принципе разбираться, кто написал, а кто украл, не его было дело. Была масса других людей, которые непосредственно должны были заниматься этой проблемой...»

В один из дней в разговоре с Федой я спросил, что будет с титрами? А он ответил: «Ты

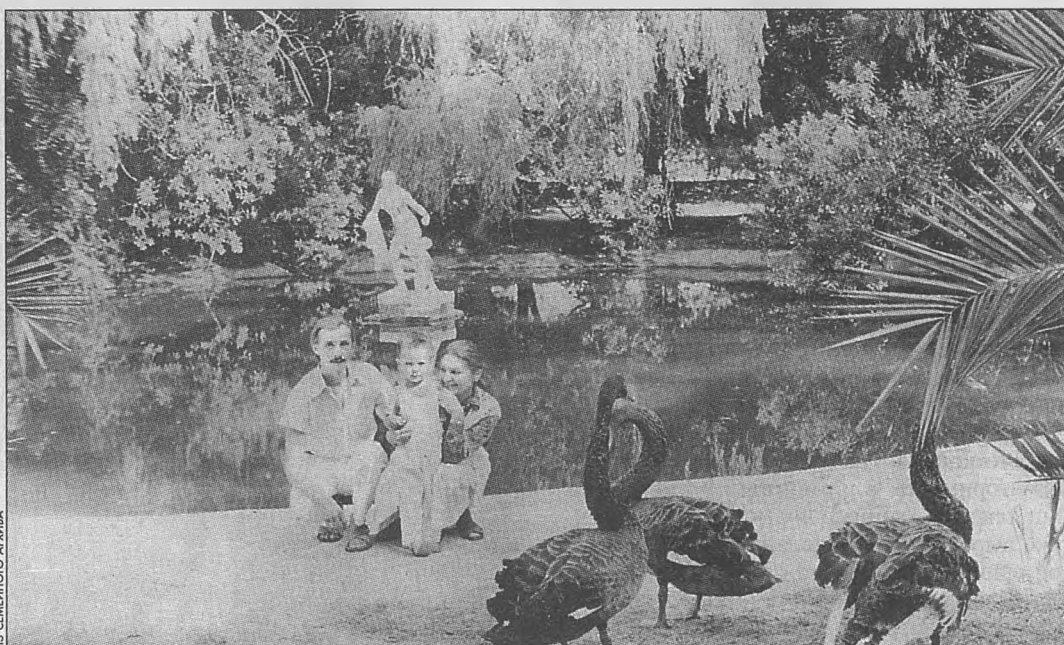
же войной пошел». Какой войной? Я действительно мог поступить радикально, подав в суд непосредственно перед выходом картины. Мог получить решение суда о запрете использования продукта, содержащего нарушение авторских прав. Накрылся бы прокат, «9 роту» ждали многомиллионные убытки. Естественно, я этого не сделал. Впервые, я не самоубийца, вторых, это мой дядя, который сделал замечательное кино. На самом деле, в любом негативном событии полезно искать позитивные аспекты. И здесь они есть. От «9 роты» у меня осталась масса «неиспользованного» в фильме материала, который почти весь вошел в фильм «Грозные ворота», и, не будь его, я бы просто не успел написать необходимое количество музыки — сроки были катастрофически сжатыми. Рано или поздно история все равно расставит всех на свои места — это мое глубокое убеждение. А о «9 роте» просто хочется поскорее забыть».

Покорен женским голосом

Может, Иван переживал эту ситуацию труднее, если бы не было рядом с ним двух близких людей. Это как музыка, которая бывает однострунная и многоголосная — полифония. К одному звуку прибавляется второй, третий, и возникает неповторимая мелодия. В случае Бурляева — мелодия любви.

«Я очень долго к этому моменту готовился и, честно говоря, в определенный период жизни думал, что мне это не светит. Ну не мог я найти себе адекватную половинку, с которой хотелось бы прожить остаток дней. К тому времени, когда встретил Юлю, я был во взаимоотношениях практически окончательным разочарован. Я уже почти год жил таким болельщиком в холостяцкой берлоге. Мне нравилась моя свобода, но при этом, когда я ее наконец потерял, был очень доволен и с тех пор ни разу об этом не пожалел».

Они познакомились на работе, на записи музыки к фильму. Спустя 3 года служебный роман превратился в историю любви.

У фонтана. Ванечка с родителями Николаем Бурляевым и Натальей Бондарчук

«Я по работе пригласил Юлю записать «Вокализ» Рахманинова. Вокальная партия в нем очень сложная. Честно говоря, я не думал, что возможно так красиво и убедительно взять верхние ноты. Когда я услышал эти верхние ноты в исполнении своей будущей супруги и когда у меня задрожали стекла в квартире, я первый и последний раз в жизни был покорен женским голосом».

Они стали общаться больше и дольше. Через полгода поженились, а еще через год у них родилась дочка Настя. Путь от знакомства до ЗАГСа был романтическим.

«Помню, когда мы уже крепко дружили, я уезжал на кинофестиваль и должен был пробыть там дней пять или неделю. Но так мне стало грустно и тошно на этом фестивале, что я взял билет и уехал в Москву, при этом все SMS и переговоры подраэумевали, что я далеко. Было очень холодно или Юля не очень хорошо себя чувствовала, но я вроде как договорился, что за ней приедет наш водитель и забереет ее домой, чтобы она не еха-

ла из института на метро. И тот миг, когда вместо водителя совершенно неожиданно появился я... В качестве проверки серьезности отношений, по реакции моей и ее, это был очень показательный момент».

Иван и Юля сначала зарегистрировали свои отношения в ЗАГСе.

«Мы вдвоем приехали на машине, купили напротив кольца. Причем купили разные, одинаковых на тот момент не было. Оказывается, что у нас в Москве с обручальными кольцами жуткая проблема. Расписались, сфотографировались. Я вынес Юлю на руках из ЗАГСа, а потом мы поехали в ресторан и стали обванивать всех друзей и знакомых: «Приезжайте, мы поженились». Просто фактическое уведомление государства о том, что теперь мы вместе, для меня и для моей жены никакой важности не имело. А вот через полгода произошло, пожалуй, самое значимое событие в нашей жизни — венчание. На нем были все наши родственники и близкие».

Теперь композитор Бурляев может сказать: «Счастливая семья: жена, дочка, я». И он это ценит по отдельному, самому высокому счету. А это для молодых людей его поколения — редкая способность.

Ценности

Дочке Насте скоро годик. Мама Ивана Наталья Бондарчук уже хочет снимать ее в кино.

Родители Ивана развелись, когда мальчику было 12 лет, но семья все равно часто вместе. Иван Николаевич работает с мамой. Иван Николаевич работает с папой. Его талант лишний раз объединяет родителей.

«Тогда я был на стороне отца. Наверное, по-мужски. Я как-то никогда не думал о гипотетической возможности их развода. Они всегда говорили мне, что вон у того мальчика родители развелись, а мы — нет, мы молодцы. Во мне крепко засело, что мне повезло, у меня такие замечательные родители, и действительно, как это плохо, когда у детей родители в разводе. А тут вдруг — бац».

Но семья осталась семьей. «Мы в Москве живем буквально через дом от бабушки — Инны Владимировны Макаровой. И когда встречаемся на прогулке, она ведет себя забавно, старается держаться немножко подалеже, как бы говоря: «Нет, это не моя правнучка, это просто очень хороший ребенок, которого я очень люблю». Как когда-то, когда родился я, Инна Владимировна не хотела становиться бабушкой, теперь так же не хотела получить звание прабабушки. Еще давно у нас появилось кодовое имя. Я сам научился всем говорить: «Это не бабушка, а Ая». Моя дочь, наверное, тоже будет ее так называть».

Пример Ивана Бурляева, как это ни странно, очень почитаем, даже показателен. Он не любил записывать ноты, но стал отличным композитором. Он не хотел играть в кино, а теперь пишет музыку для кино. Он не ждал встретить женщину всей жизни, но у него замечательная семья. Он — как новый герой нового времени. А это само по себе достижение.